

ВРЕМЯ идет. Меняются вкусы, возрастают и усложняются потребности зрителей. Но неизменным остается успех Юрия Никулина, талантливого клоуна, гордости советского цирка, популярного кинсактера. В чем секрет такого постоянства? Ответить на этот вопрос сложно. Но, очевидно, и в том, что он создал на манеже, как и на киноэкране, не маску, не тип, а образ привлекательного и близкого зрителю человека, который немного смешнее и наивнее, чем те, кто сидит в зале.

Вот уже третий месяц на манеже Харьковского цирка выступают Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. Сегодня народный артист Советского Союза Ю. В. Никулин — гость нашей гостиной.

Знакомства и встречи

Юрий НИКУЛИН:

«КАК В ЖИЗНИ, НО НЕМНОГО СМЕШНЕЕ»

— Юрий Владимирович, Вы не так часто радуете харьковчан своими гастрольями, как хотелось бы, а между тем в зале сидят, очевидно, три поколения почитателей Вашего таланта: бабушки и дедушки, их взрослые дети и их маленькие внуки. Не так ли?

— Возможно. Наш с Михаилом Шуйдиным дуэт родился здесь, в Харькове, на манеже старого Харьковского цирка, который и до сих пор служит артистам, правда, теперь как репетиционная площадка. Это было 1 мая 1949 года. Накануне вечером Карандаш объявил: «Завтра будете работать в паре». Для Миши Шуйдина, в то время учащегося студии при Московском государственном цирке, предполагался первый самостоятельный выход на манеж. Конечно, он очень волновался. Я в то время считался уже «опытным» коверным, еще студийцем принимал участие в номерах своего учителя — знаменитого Карандаша, какое-то время работал в паре с Борисом Романовым, и наш дуэт даже считался перспективным. Но 1 мая 1949 года изменило все мои планы и, как оказалось, к счастью.

Первая наша с Шуйдиным совместная реприза называлась «Насос». Соль ее состояла в том, что я, клоун Юра, очень хотел помочь партнеру в акробатическом этюде, но силенок было маловато. Миша решил увеличить мои габариты путем накачивания из насоса. Сценка вышла смешной, пользовалась большим успехом у публики. Вообще первый блин совсем не оказался комом. И это нас окрылило.

Никулину и Шуйдину, конечно, повеселилось. В начале своих совместных выступлений они нашли оригинальные образы своих комедийных героев, определили характер их взаимоотношений. И вот уже почти 30 лет на манеже советского цирка живет дуэт, который по праву считается лучшим среди других.

Для цирка такое содружество — очень редкое явление. Только Антоном и Барцелли — знаменитый Пат и Паташон — прожили на манеже больше — целых 45 лет. Может надоесть партнер, можно устать от него. Недаром в цирке говорят: партнер — вторая жена...

Мы с Мишей уживаемся не так мирно, как это может казаться, но наши споры всегда

носят творческий характер. Например, мы очень педантичны в выборе реприз. Знаете, сколько их у нас? Всего 35. Кстати, последняя «Телемания», как и первая «Насос», дебютировала также в Харькове.

Все репризы родились в великих муках, потому они очень дороги нам и, кажется, любимы зрителем. У некоторых наших молодых коллег реприз уже сотни. А сколько их помнит публика?

— Одно Ваше появление на манеже, в титрах новой комедии вызывает улыбку и смех, а как Вы относитесь к славе?

— Мой учитель Карандаш любил повторять: «Нелегко забраться на гору, которую называют славой, но еще труднее удержаться на ее вершине». Никогда не забываю этих слов. Не могу сказать, что я равнодушен к своей популярности. Актеру нельзя без нее. Наконец, это оценка актерского труда, ее стимул и строгий судья.

— Вы много гастролируете по свету. Интересно, как Вас с Шуйдиным принимают за рубежом?

— Вы хотите сказать, доходит ли наш юмор до французов, или, например, до японцев? Доходит, хотя мы с Мишей никакими языками, кроме родного, не владеем. Иногда, правда, нам помогает моя жена Татьяна, она хорошо знает английский язык и даже переводит детективы. Но юмор, особенно цирковой, — понятие интернациональное и ему не нужен перевод. Мы стараемся строить свои репризы на трюках, на пантомиме. Выбираем номера с общечеловеческой темой, понятной всем.

— Бывало ли в Вашей жизни такое: Вы выходите на манеж, с первой фразы зрители дружно смеются, а один в первом ряду молчит...

— И не раз. Когда был моложе, нервничал. С годами стал терпимее. В цирк приходят разные люди. Может, он давно купил билет, а когда пришел — настроение пропало. Может, у него неприятности на работе, а жена заставила пойти на представление. Наконец, у каждого человека свое понимание юмора. Тот же молчаливик, когда зал перестает смеяться, неожиданно расхохочется по поводу какой-то мелочи.

Если сказать, что Ю. Никулин — популярнейший клоун

советского цирка, значит сказать лишь половину. Ю. Никулин — первый и пока единственный артист, который одинаково хорошо работает и в цирке, и в кино. Достаточно вспомнить комедии с его участием «Девушка с гитарой», «Неподдающиеся», «Операция «Бл»», «Бриллиантовая рука», такие серьезные фильмы, как «Когда деревья были большими», «Ко мне, Мухтар!», «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны». Всего им создано свыше 40 разных ролей на экране.

— Не приходилось ли вступать в конфликт Никулину-клоуну и Никулину-артисту кино?

— В кино я попал случайно. После войны, не слав солдатской шинели, пробовал было поступить во ВГИК, но меня забраковали по всем статьям. О кино пришлось забыть. Я работал уже десять лет в цирке, когда мне предложили сыграть эпизод в комедии «Девушка с гитарой». Подумал, что ничего не потеряю, и явился на студию. К удивлению, меня сразу утвердили на роль пиротехника. И даже написали второй эпизод. Комедия имела в то время большой успех, мой пиротехник запомнился. Стали приглашать и другие режиссеры.

С серьезными ролями было сложнее. Особенно противоречивой была почти после недавнего фильма «Двадцать дней без войны», снятого по произведению К. Симонова «Записки Лопатина». Одни зрители были категорически «за»: «Бросайте цирк, играйте серьезные роли». Другие, наоборот, возражали: «У нас мало комедий, Лопатина могли сыграть десятки других актеров, а Балбеса — никто». Однако два Никулина — цирковой и кинематографический — полностью ужились в одной личности.

— На экране и в жизни судьба сводит Вас со многими интересными людьми. Один из них — Василий Макарович Шукшин. Что дали Вам эти встречи?

— Впервые мы встретились с Василием Макаровичем на съемочной площадке фильма «Когда деревья были большими». Вместе играли два эпизода. Тесно сблизиться тогда не удалось — не хватало времени. Но что-то в нем было такое, что, познакомившись, я уже не терял его из виду. С интересом следил за его работами в кинематографе и литературе. И вот фильм «Они сражались за Родину». В то время Шукшин был уже признанным мастером, известным режиссером и писателем. Но все так же оставался по-крестьянски скромным, немногословным. Помню наши беседы в часы отдыха. Темы их были обычные: искусство, семья, дети. Но он всегда говорил так, что привычные понятия наполнялись каким-то новым глубинным смыслом. Хлеб для меня, горожанина, терял очертания булки и становился хлебом, за который сражались на колхозном поле. Земля, по которой ходил, становилась роднее. Оба в то время писали: Шукшин работал над новыми рассказами, я — полисывал главы своей будущей книги «Почти всевозь». Никто из нас не подозревал, что одна из глав так и будет называться «Василий Шукшин».

На днях в издательстве «Молодая гвардия» в Москве выходит книга Ю. Никулина «Почти всевозь». Читатели уже ознакомились с ней в журнале «Молодая гвардия», где она печаталась в течение 1976—1977 годов. Позади почти пять лет работы с короткими перерывами между съемками, в антрактах цирковых программ. О чем эта книга? Она — о времени и о себе, о высоком служении искусству.

— В жизни каждого человека случается то, что мы называем «звездным часом». У Вас был такой час?

— Как на это посмотреть? С одной стороны, мне грех жаловаться на что-нибудь. С другой — неутоимое желание играть, играть и играть в комедии.

— У Вас есть любимый девиз?

— Он неизменный уже в течение многих лет. Сказать правду, мы заимствовали его у поэта: «Смешить всегда, смешить везде, когда реприза рождена, смешить и никаких гвоздей — вот лозунг мой и Шуйдина».

Беседу вела
Н. ПРОТОРСКАЯ.